

Научная статья / Research Article

УДК 903.531

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-04)

EDN: RMPMGC

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОЛОВНЫМ УБОРОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА МАЙМА-IV НА АЛТАЕ

Сергей Михайлович Киреев

*Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия,
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orchid.org/ID 0000-6850-6647>*

Резюме. В статье рассматриваются и анализируются остатки сложносоставного женского головного убора, обнаруженного в 1987 г. на могильнике северного варианта пазырыкской культуры Майма-IV в кургане №13, датированном III в. до н.э. Убор был изготовлен из войлока и, по всей видимости, являлся единым целым с прической и париком. Его основу составлял внутренний каркас из комбинации железных стержней и шпилек. На его лобной части размещалась массивная бронзовая позолоченная бляха-триквестр с изображением трех голов грифо-баранов. На длинной шпильке закреплено навершие, покрытое золотой рифленой фольгой. Головной убор из Маймы-IV являлся разновидностью традиционных и широко распространенных женских погребальных уборов пазырыкской культуры. Наиболее близкие аналогии происходят из кургана №1 мог. Ак-Алаха-3 и кургана №15 мог. Ханкаринский Дол. В погребении также обнаружены глиняный кувшин, каменный алтарик-курильница, железный нож.

Ключевые слова: скифо-сакское время, пазырыкская культура, женский головной убор, триквестр

Для цитирования: Киреев С. М. Женское погребение скифо-сакского времени с головным убором из могильника Майма-IV на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №1. С. 65–77. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-04)

FEMALE BURIAL OF THE SCYTHIAN-SAKA TIME WITH A HEADRESS FROM THE MAIMA-IV BURIAL GROUND IN ALTAI

Sergey M. Kireev

*National Museum of the Altai Republic Named after A.V. Anokhin, Gorno-Altai, Russia,
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orchid.org/ID 0000-6850-6647>*

Abstract. The article examines and analyzes the remains of a composite female headdress discovered in 1987 at the burial ground of the northern variant of the Pazyryk culture of Maima-IV in kurgan No 13, dated to the 3rd century BC. The headdress was made of felt and, apparently, was the whole piece of a hairstyle and a wig. Its basis was an internal frame of a combination of iron rods and studs. On its frontal part was a massive bronze gilded triquester plaque depicting the three heads griffin sheep. A pommel covered with gold fluted foil is fixed on a long hairpin. The headdress from Maima-IV was a type of traditional and widespread female funeral decoration of the Pazyryk culture. The closest analogies come from mound 1 could. Ak-Alaha-3 and mound 15 could. Khankarinsky dol. A clay jug, a stone altar-censer, an iron knife was also found in the burial.

Keywords: Scythian-Saka time, Pazyryk culture, female headdress, tricvester

For citation: Kireev S.M. Female Burial of the Scythian-Saki Time with a Headdress from the Maima-IV Burial Ground in Altai. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(1):65–77. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-04)

Введение

В 1929, 1947–1949 гг. в урочище Пазырык в мерзлотных курганах высшей знати населения Горного Алтая скифского времени среди многочисленных уникальных находок, позволивших более подробно реконструировать многие элементы культуры населения Горного Алтая V–III вв. до н.э., были обнаружены женские и мужские костюмы и головные уборы пазырыкской культуры. Это дало возможность установить целый ряд вариантов и особенностей как обыденных бытовых, так и культовых деталей облачений и экипировки этого времени (Грязнов, 1950; Руденко, 1953), в том числе головных уборов. В.Д. Кубаревым в женских погребениях завершающего этапа пазырыкской культуры могильников Уландрык, Юстыд, Сайлюгем, Бураты неоднократно отмечались находки следов и остатков оформления причесок и головных уборов (Кубарев, 1987, 1991, 1992). «Прямое отношение к прическе женщины имеют круглые или продолговатые пятна под черепами женщин — сухой пигмент черной краски, которой красили волосы» (Кубарев, 1992, с. 33). Также в свое время В.Д. Кубарев отмечал, что «этот любопытный обычай, отмеченный повсеместно в могильниках Чуйской степи, почти не известен в других районах Алтая на синхронных погребальных памятниках» (Кубарев, 1992, с. 93). Но исследования последующих лет существенно расширили территорию бытования женских головных уборов. Новая серия оригинальных находок данной категории предметов была получена при раскопках пазырыкских погребений средней знати на плато Укок. Так, головной убор пазырыкской жрицы из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3, исследованного в 1993 г. Н.В. Полосьмак, представлял собой сложное сочетание парика, части волос погребенной и собственно головного убора с многочисленными позолоченными культовыми украшениями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле (Полосьмак, 2001, с. 143–146; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 72). «Остатки традиционных для пазырыкской культуры женских „головных уборов-парики“ с сажистым веществом и золотой фольгой» зафиксированы П.И. Шульгой в погребениях ряда памятников северо-западных предгорий Алтая (Шульга, 2003, с. 72). В этом же регионе П.К. Дашковским на мог. Ханкаринский Дол в кургане №15 и кургане №34 мог. Чинета-II были обнаружены головные уборы аналогичной формы, различающиеся лишь в деталях конструкции и декоративного оформления (Дашковский, Усова, 2011, с. 82–83; Дашковский, 2021, с. 22–23).

Автором в 1987 г. на могильнике Майма-IV на Северном Алтае также были найдены достаточно четкие и хорошо проявленные остатки головного убора (Киреев и др., 2008, с. 29), наиболее близкого по конструкции головным уборам из Ак-Алаха-3 и Ханкаринского Дола. Некрополь Майма-IV был открыт в 1985 г. в результате сплошного обследования песчано-гравийных речных террас на правом берегу р. Катунь, расположенных на протяжении 6 км к северу от с. Майма Республики Алтай. В последующие годы здесь был обнаружен и исследован еще целый ряд памятников и выделен разно-

временный археологический комплекс, состоящий из 21 объекта, получивший наименование Майминского. Курганный могильник Майма-IV, территория которого к настоящему времени полностью раскопана или ранее была разрушена в ходе карьерных работ, находился за северо-восточной окраиной одноименного села. В 1985 и 1987 гг. автором была исследована сохранившаяся компактная группа из 18 курганных погребений, расположенных у края заброшенного карьера. В 1998 г. М.Т. Абдулганеевым, С. М. Киреевым и Н.Ю. Кунгуровой было раскопано еще 28 погребений, выявленных под пашенным слоем во время проведения вскрышных работ по возобновлению эксплуатации карьера. Также остатки трех погребений были зачищены автором в 2005 г. на периферии разработки карьера. Общее количество исследованных объектов памятника Майма-IV составило 49. Краткие сообщения об итогах их раскопок опубликованы в нескольких работах (Киреев, 1990, с. 55–57; Абдулганеев и др., 2004, с. 246–253; Киреев и др., 2008, с. 28–30).

Курганы и погребения располагались несколькими цепочками, с пристроенными к ним детскими могилами. Насыпи курганов — преимущественно каменные, с кольцевыми крепидами. Ямы в плане подовальные и подпрямоугольные с небольшими отклонениями от широтного направления. Погребенные уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток–юго-восток или иногда на восток. Часть могил имела деревянные конструкции: сруб с перекрытием, дощатый настил, раму-обкладку из толстых досок или жердей; а также каменные конструкции: обкладку из крупных камней по периметру дна ямы или вертикально установленные плитки, также окаймляющие погребения. В одной могиле зафиксировано сочетание круговой каменной обкладки с деревянной рамой. В шести курганах имелись захоронения лошадей, уложенных черепами на восток на искусственных приступках в материке в северной части могилы. В погребениях встречен инвентарь, традиционный для северного варианта пазырыкской культуры: керамические сосуды, предметы вооружения, быта, конской сбруи, украшения.

Данная публикация посвящена введению в научный оборот материалов из погребения кургана №13, содержащего остатки оригинального головного убора.

Материалы и их обсуждение

На момент начала раскопок насыпь кургана №13 представляла собой небольшое возвышение с западиной в центре, заполненной различным строительным мусором. После его удаления и зачистки дернового и гумусного слоя была выявлена насыпь, вплотную примыкавшая к насыпи кургана №12, имевшего меньшие параметры (рис. 1). Она была округлой в плане формы, размером 720×680 см и сложена из галечника и рваных камней различной величины. Мощность насыпи кургана №13 варьировала от 38 до 75 см. Под насыпью кургана обнаружена круглая каменная кладка из крупных плит и валунов с внешним диаметром 690×690 см (рис. 2).

В центре кольца находилась могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированная длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ, глубиной 242 см. Длина могильной ямы по дну 265 см, ширина 151 см (рис. 3.-1). Центральная часть погребения была полностью разрушена, здесь находилось лишь несколько фрагментов сильно истлевших костей человека. В западной части ямы в анатомическом порядке лежа-

ли кости стоп и берцовые кости неполной сохранности. Здесь же найдена небольшая бляшка-нашивка из толстой золотой фольги в виде запятой. Вдоль западной стенки лежала жердь или остатки поставленной на торец доски. Не разрушенной оказалась лишь восточная часть ямы. Здесь также отмечены фрагменты жердей и досок.

Рис. 1. Насыпь кургана №13 (на заднем плане), совмещенная с насыпью кургана №12

Fig. 1. Burial mound 13 (in the background), combined with the burial mound 12

Рис. 2. Кольцевые выкладки по периметру насыпей курганов №12 и 13

Fig. 2. Ring layouts around the perimeter of the burials of mounds 12 and 13

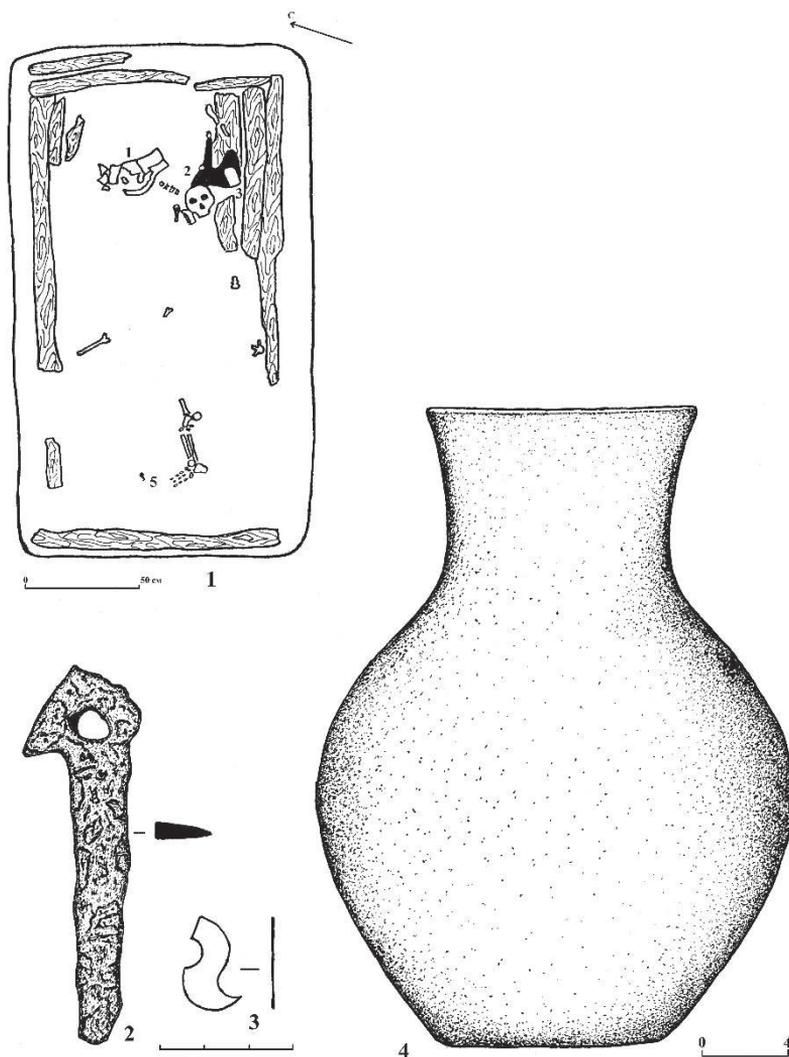

Рис. 3. 1 – план погребения 13;

2 – железный нож; 3 – золотая бляшка-нашивка; 4 – глиняный сосуд

Fig. 3. 1 – burial plan 13; 2 – iron knife; 3 – gold plaque patch; 4 – clay vessel

На расстоянии 84 см от восточной стенки погребения находился неполный череп человека со следами его посмертной, культовой обработки. От черепа осталась лишь его лицевая часть, своеобразная маска. Края обреза были аккуратно выровнены и тщательно заглажены. Челюсть находилась рядом, несколько в стороне от черепа-маски. В 1992 г. краниологический материал погребения был передан автором А. Р. Киму в антропологическую лабораторию Алтайского государственного университета. Но, к сожалению, антрополога вскоре не стало, и получить его заключение не удалось.

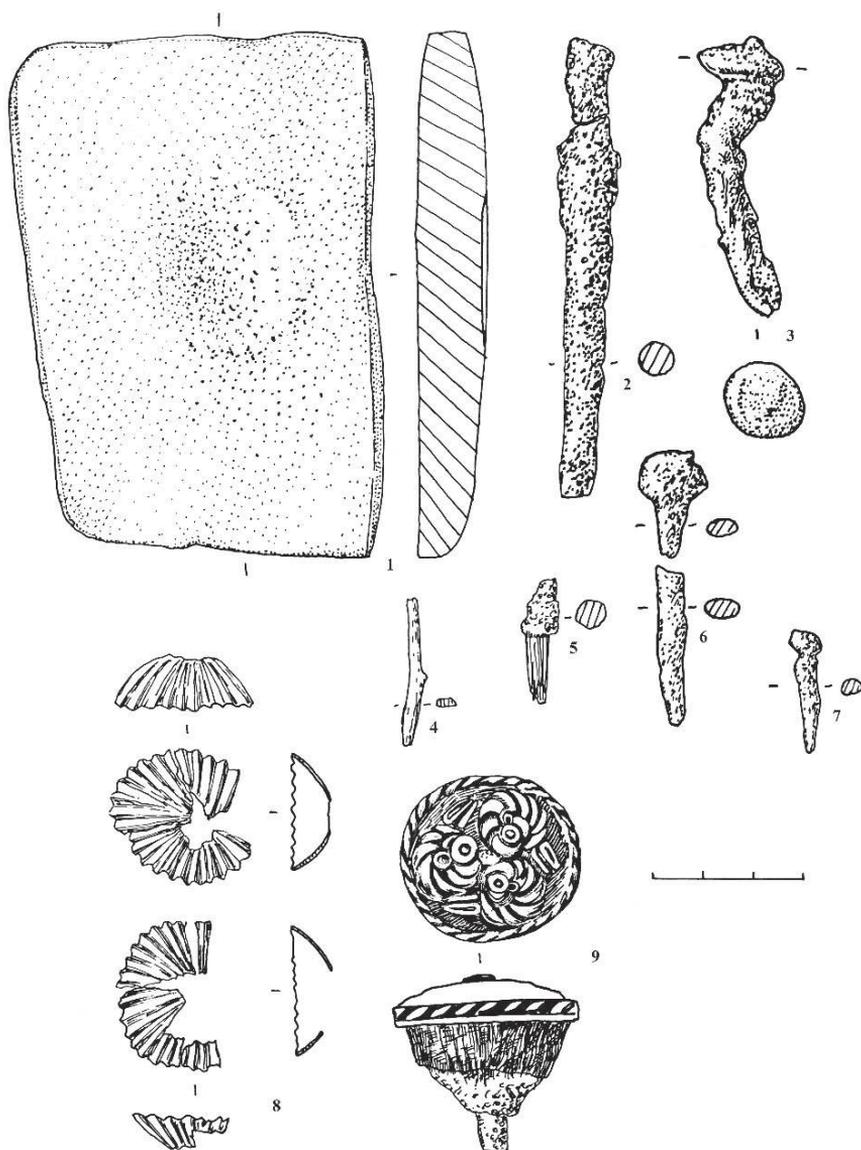

Рис. 4. 1 – каменная курильница; 2–7 – остатки железных стержней и шпилек;
8 – золотая обкладка наверхия; 9 – бронзовый позолоченный триквестр

Fig. 4. 1 – stone censer; 2–7 – remains of iron rods and studs;
8 – gold lining of the top; 9 – bronze gilded triquester

К северу от черепа лежал раздавленный крупный глиняный сосуд, кости курдючной части овцы и небольшой железный нож. Около черепа зачищены остатки сложного головного убора и обработанная каменная плитка-курильница сиреневого цвета. Судя по этим совокупным признакам и наблюдениям, погребенная женщина была уложена

на правом боку, со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на восток–юго-восток на дощатом настиле, окаймленном по периметру дна могилы деревянной прямоугольной рамой. По особенностям погребального обряда данный курган, как и весь могильник в целом, отнесен к северному варианту пазырыкской культуры (Киреев, 1991, с. 119–122; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 166–169; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 134–136; Степанова, 2004, с. 267–272; Абдулганеев и др., 2004, с. 253) и был датирован III в. до н.э., скорее всего, его серединой — 2-й половиной (Киреев и др., 2008, с. 30).

Краткое описание немногочисленного сохранившегося инвентаря. Нож железный, сильно корродированный, с прямым обломленным лезвием и кольцевым навершием с боковым выступом, возможно, являвшимся украшением (рис. 3.-2). Общая длина сохранившейся части изделия 9,5 см. Глиняный сосуд найден разрушенным на крупные фрагменты, но его форма и размеры хорошо восстанавливаются. Представляет собой стройный кувшин высотой 36 см, с раздутым туловом диаметром 23,5 см, слегка расширенной профилированной горловиной и плоским дном (рис. 3.-4). Кувшин является единственным не орнаментированным из 21 сосуда, раскопанного на памятнике в 1985, 1987, 1998 гг. Курильница-алтарик изготовлена из камня темно-сиреневого цвета, имеет форму подпрямоугольного бруска размером 10,5×10,0×7,2×6,3 см и толщиной 1,0–1,4 см (рис. 4.-1). В середине его с одной из сторон имеется небольшое углубление, выполненное техникой точечного пикетажа. Золотая бляшка-нашивка из толстой фольги размерами 1,2×2,0 см в виде запятой, скорее всего, являлась украшением одежды погребенной (рис. 3.-3). Аналогии предметам, найденным в захоронении, хорошо известны в памятниках как пазырыкской культуры Алтая, так и сопредельных культур скифо-сакского круга: быстрианской, староалейской.

Рис. 5. Остатки головного убора на дне погребения

Fig. 5. Remains of a headdress at the bottom of the burial

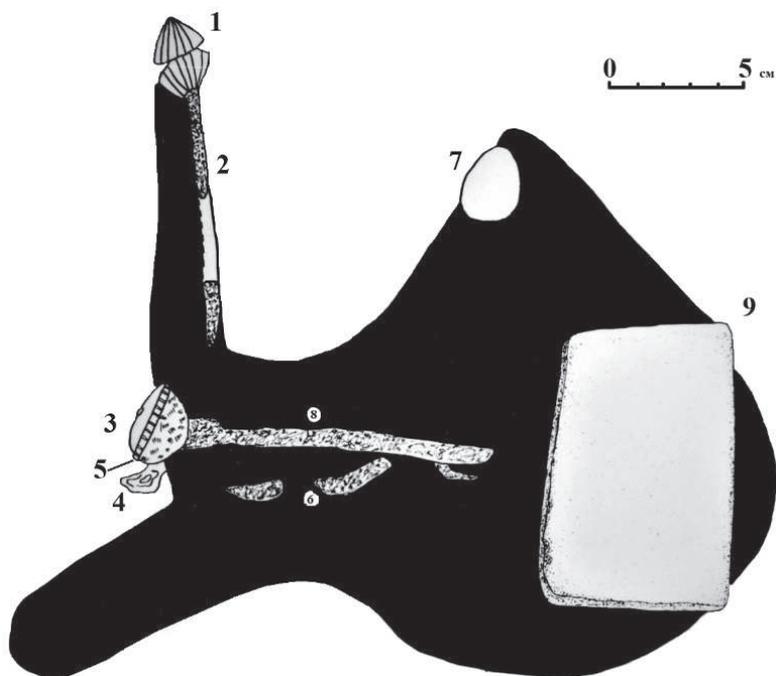

Рис. 6. Прорисовка остатков головного убора:
 1 – навершие, покрытое золотой фольгой;
 2, 6, 8 – железные остатки каркаса головного убора (стержни и шпильки);
 3 – триквестр – бронзовая бляха, покрытая золотой фольгой; 4 – серебряная пластинка;
 5 – остатки войлока; 7 – предмет яйцевидной формы;
 9 – каменная курильница

Fig. 6. Drawing of the remains of the headdress:
 1 – pommel covered with gold foil;
 2, 6, 8 – iron remains of the frame of the headdress (rods and studs);
 3 – triquester – bronze plaque covered with gold foil; 4 – silver plate;
 5 – remnants of fel; 7 – an egg-shaped object;
 9 – stone the incense burner

Остатки головного убора, обнаруженные в кургане, в определенной мере позволяют восстановить его размеры, форму и предполагаемую конструкцию. При зачистке дна погребения на фоне серого песка были четко видны не только контуры в виде большого рельефного пятна черного цвета неправильной формы, но и некоторые сохранившиеся детали (рис. 5, 6).

Отмечу, что отличие цветного фото от рисунка вызвано тем, что слайд был снят в боковом ракурсе с целью акцентировать внимание на триквестре. Наверняка эти остатки в определенной степени отличаются от первичной формы и размеров подлинного головного убора, так как его тление и деформация под тяжестью заполнения могилы и другие факторы в какой-то мере изменили его параметры. Отметим, что согласно восстановленному положению костяка он был уложен на правом боку черепом на вос-

ток с отклонением к югу. Череп-маска в таком случае должен был быть уложен набок на правую сторону, лицевой частью на север, как это и принято в погребальном обряде пазырыкской культуры. После тления органических материалов головного убора и их деформации она завалилась на дно могилы и приняла положение, зафиксированное при раскопках.

Рис. 7. Триквестр из кургана №13 мог. Майма-IV

Fig. 7. The triquester from the mound 13 of the Mima-IV burial ground

Головной убор имел достаточно сложную форму, что видно даже по его сохранявшимся остаткам. Основное их содержание составляла черная плотная сажистая масса толщиной в различных местах от 0,7 до 2,5 см. Подобная «химическая природа формообразующей основы головного убора» из Ак-Алахи-3 и ее состав описаны в монографии Н.В. Полосьмак (2001, с. 145–147). Очертания сохранившихся остатков, а следовательно, и самого убора представляли сложную конфигурацию с общими размерами 25 см в высоту и 29 см в ширину (рис. 6). В.Д. Кубарев отмечает, что в курганах Юстыда высота женских головных уборов варьировала от 35 до 50 см (Кубарев, 1991, с. 106).

Поверх черного пятна выступала округлая головка железной шпильки, сохранившейся не полностью. Основа головного убора (надголовная часть) имела форму приземистого конусовидного колпака, плавно закругляющегося к макушке. Почти на вершине его был закреплен предмет яйцевидной формы, изготовленный из неорганического вещества белого цвета: гипса или глины (рис. 6.-7). На лицевой стороне сооруже-

жен удлиненный, слегка наклоненный «kozyрек». При расчистке остатков головного убора была выявлена его внутренняя каркасная основа, состоящая из набора разнообразных по размерам железных шпилек и двух длинных стержней, служивших основными элементами каркаса. Один из стержней, размером около 12 см, проходил горизонтально от середины остатков головного убора к верхнему основанию «kozyрька» (рис. 6.-8). Над «kozyрьком» к шпильке крепилась лежащая слегка наклонно на гурте массивная бронзовая позолоченная бляха-триквестр с рельефным изображением трех голов полиморфных синкретических образов грифо-баранов со слегка раскрытой пастью, круглым глазом, овальным ухом и закрученным рогом (рис. 4.-9; 6.-3; 7). Но особенности изображения таковы, что бараний рог одновременно возможно трактовать и как гребень грифона.

На внутренней стороне бляхи находились остатки войлока, сохранившегося от соприкосновения с ее бронзовой основой (рис. 6.-5), а также была прикреплена небольшая серебряная пластинка с штампованным стилизованным орнаментом (рис. 6.-4).

Спереди над «kozyрьком» головной убор имел вертикальный стержень высотой до 13 см (рис. 6.-2), находящийся внутри черной формообразующей основы и увенчанный навершием из золотой рифленой фольги, основа которого была, очевидно, изготовлена из органического материала, скорее всего, дерева, и со временем истлела (рис. 4.-8; 6.-1). В.Д. Кубаревыми и Н.В. Полосьмак упоминаются деревянные части конструкции головных уборов, но в нашем случае их не удалось проследить.

К сведению, погребение 12, совмещенное с погребением 13 насыпями и кольцами-крепидами, содержало полностью ограбленное захоронение подростка и разрушенный глиняный сосуд.

Заключение

По конструктивным особенностям и приведенным аналогиям предполагаю, что и в данном случае парик и волосы были соединены с головным убором, состоящим из войлока и ткани, как это было в Ак-Алахе-3. Расположение и конструкция железного каркаса и шпилек дает основание считать, что прическа и головной убор были тесно связаны между собой. Особо следует отметить роль шпилек, на которую обращали внимание практически все исследователи, встречавшие эти предметы. Так, В.Д. Кубарев считал, что «шпильки не только скрепляли прическу, но и являлись украшениями» (Кубарев, 1987, с. 95). Он же отмечал, что «шпильки широко применялись носителями пазырыкской культуры Алтая для закалывания волос или чаще всего для крепления головного убора к высокой прическе» (Кубарев, 1991, с. 111). Кроме пазырыкской культуры шпильки, разнообразные по материалу, размерам, форме и декоративному оформлению, встречаются в женских погребениях соседних быстринской и староалейской культур (История Алтая, 2019, с. 236; Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 111, рис. 11).

Несомненно, перед нами один из вариантов женских головных уборов, широко распространенных в погребальной практике пазырыкской и соседних родственных культур: быстринской, староалейской. «Исторически сложилось так, что головной убор с глубокой древности являлся главным этнодифференцирующим признаком. Головной убор прежде всего указывал на статус женщины в обществе» (Полосьмак, 2001, с. 79). Головные уборы пазырыкских женщин служили и четким определяющим гендерным

признаком. Н.В. Полосьмак считает, что погребальные головные уборы одновременно являлись и парадными (Полосьмак, 2001, с. 143). В целом форма майминского головного убора характерна как для азиатских саков, так и европейских скифов, в общих чертах сближаясь с куль-обским типом башлыков. «В VI в. до н.э. башлыки с золотыми бляшками являлись ритуальными женскими уборами аристократии, в IV–III вв. до н.э. они остаются нарядными головными уборами женщин среднего достатка» (Степи Евразийской части..., 1989, с. 108). Исследователи также отмечают разнообразие вариантов женских головных уборов в рамках нескольких пазырыкских традиций. Н.В. Полосьмак говорит о вариативности головных уборов и причесок женщин из «царских» курганов, рядовых и принадлежащих знати среднего ранга (Полосьмак, 2001, с. 154). П.И. Шульга замечает: «если принять мнение о головном уборе как своеобразном „паспорте“ представителей той или иной этнической группы, то различия в головных уборах археологических культур и внутри них вполне естественны, как это отмечено для пазырыкской культуры» (Шульга, 2003, с. 77).

Остатки головного убора значительно худшей сохранности и большей фрагментарности обнаружены также в кургане №9 могильника Майма-IV и части женских погребений могильника быстринской культуры Майма-VII, расположенного в 4 км к северу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М.Т., Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю., Ларин О.В. Могильник Майма-4 (по раскопкам 1998 г.) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 246–253.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Могильник староалеической культуры Обские плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Дашковский П.К. Комплексная хронология и социальная интерпретация кургана №34 пазырыкской культуры на могильнике Чинета-II (Алтай) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №69. С. 17–25.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. Т. 47, №3. С. 78–84.

История Алтая: в 3-х т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 392 с.: ил.

Киреев С.М. Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 53–57.

Киреев С.М. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 119–122.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск : Изд-во АКЦИН, 2008. 144 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2001. 336 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 237 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2004. С. 267–272.

Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М : Наука, 1989. 464 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. 2. С. 166–169.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

REFERENCE

Abdulganeev M.T., Kireev S.M., Kungurova N.Yu., Larin O.V. Mima-IV Burial Ground (according to excavations of 1998) // Complex Studies of Ancient and Traditional Societies of Eurasia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 246–253. (*In Russ.*).

Vedyanin S.D., Kungurov A.L. Burial Ground of Obskiye Plesy-2 — the Old Alei Culture. In: Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 88–114.

Gryaznov M.P. The First Pazyryk Burial. Leningrad : Gos. Ermitazh, 1950. 92 p. (*In Russ.*).

Dashkovsky P.K. Complex Chronology and Social Interpretation of Mound No. 34 of the Pazyryk Culture at the Chineta II Burial Ground (Altai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2021;69:17–25. (*In Russ.*).

Dashkovsky P.K., Usova I.A. Burial of the Pazyryk Culture at the Khankarinsky Dol Burial Ground (Northwestern Altai). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Eurasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2011;47(3):78–84 (*In Russ.*).

The History of Altai: in 3 Volumes. Vol. I: The Most Ancient Epoch, Antiquity and the Middle Ages / under the General Editorship of A.A. Tishkin. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 392 p.: il. (*In Russ.*).

Kireev S.M. Protective Excavations of Archaeological of the Maiminsky Archaeological Complex. In: Protection and Use of Archaeological Sites of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 53–57. (*In Russ.*).

Kireev S.M. On the Northern Border of the Gorno-Altai Burials of the Scythian Period with an Eastern Orientation. In: Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites of Southern Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 119–122. (*In Russ.*).

Kireev S.M., Akimova T.A., Borodovsky A.P., Borodovskaya E.L. Archaeological Sites and Objects of the Maiminsky District. Gorno-Altaysk : Izd-vo AKIN, 2008. 144 p. (*In Russ.*).

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part II: Burial Complexes of the Scythian Period of the Middle Katun. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 p. (*In Russ.*).

Kubarev V.D. The Mounds of Ulandryk. Novosibirsk : Nauka, 1987. 301 p. (*In Russ.*).

Kubarev V.D. The Mounds of Yustid. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p. (*In Russ.*).

Kubarev V.D. Barrows of Sailugem. Novosibirsk : Nauka, 1992. 220 p. (*In Russ.*).

Polosmak N.V. The Horsemen of Ukok. Novosibirsk : INFOLIO, 2001. 336 p. (*In Russ.*).

Polosmak N.V., Barkova L.L. Suit and Textiles of the Pazyryk People of Altai (4th –3rd centuries BC). Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 237 p. (*In Russ.*).

Rudenko S.I. Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian Period. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 402 p. (*In Russ.*).

Stepanova N.F. On the Identification of Local Variants of the Pazyryk Culture of the Scythian Epoch of the Altai Mountains. In: Comprehensive Studies of Ancient and Traditional Societies of Eurasia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. pp. 267-272. (*In Russ.*).

Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period. Moscow : Nauka, 1989. 464 p. (*In Russ.*).

Tishkin A.A., Dashkovsky P.K. On the Allocation of Local Variants of the Pazyryk Culture. In: Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. St. Petersburg : Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. Book 2. Pp. 166–169 (*In Russ.*).

Shulga P.I. Burial Ground of the Scythian Time Lokot-4a. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 204 p. (*In Russ.*).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник, хранитель коллекций археологии Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия.

Sergey M. Kireev, Senior Researcher, Curator of Archaeology Collections National Museum of the Altai Republic Named after A.V. Anokhin, Gorno-Altaysk, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024;

одобрена после рецензирования 01.03.2024;

принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 22.02.2024;

approved after reviewing 01.03.2024;

accepted for publication 15.03.2024.